
П. Бажов
ЗЕЛЁНАЯ
КОБЫЛКА
Детгиз
1962

П. БАЖОВ

ЗЕЛЁНАЯ КОБЫЛКА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

Р2
Б16

Рисунки Б. Шахова. Обложка В. Панова

Дорогие ребята!

Эту книгу написал Павел Петрович Бажов. Он родился на Урале и прожил там всю свою жизнь.

Павел Петрович горячо любил и прекрасно знал родной край, и все свои произведения он посвятил Уралу, уральским людям.

Многие из вас, вероятно, видели замечательную книгу «Малахитовая шкатулка» и читали чудесные поэтические сказы о Хозяйке Медной горы, о Серебряном копытце, о Голубой змейке, о Золотом Волосе.

В книге «Зелёная кобылка» писатель рассказал о своём детстве, о том, как жили рабочие семьи на старых уральских заводах. Эту жизнь он хорошо знал. Его прадед, дед и отец были рабочими-медеплавильщиками.

Ребята, напишите нам, понравилась ли вам повесть. Свои отзывы присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ЗА БОЛЬШИМИ ОКУНЯМИ

В то лето, 1889 года, мы усердно занимались рыбной ловлей. Только это уж была не забава, как раньше. Ведь мы не маленькие! Каждому шёл десятый год, все трое перешли в третье, и последнее, отделение заводской школы и стали звать друг друга на «ша»: Петьша, Кольша, Егорша, как работавшие на заводе подростки. Пора было помогать чем-то семье. И вот мы сидели утрами на окуневых местах, вечерами выискивали ершей, в полдень охотились за чебаками. Наши семейные нередко хвалили за это.

— По рыбу в люди не ходим, свой рыболов вырос, — скажет при тебе мать.

Иной раз отец одобрит:

— Хоть мелконька рыбка, а всё — ушка!

Понятно, что такие разговоры подбадривали нас, но всё-таки тут было что-то вроде шутки: говорят, а сами посмеиваются.

Вот бы так наудить, чтобы не смеялись! С полведра бы окуней, да всё крупных! Либо ершей-четвертовиков!

— Давай, ребята, сходим на Вершинки, — предложил вечером Петька. — Вот бы половили! Там, сказывают, всегда клёв. Сходим завтра?

— Не отпустят, поди, одних-то.

— Это уж так точно, не отпустят, — согласился Петька. — А мы так...

— Отлупят тогда.

— Не отлупят. Мы скажем, будто на Пески пошли, либо к Перевозной на целый де́нь, а сами туда...

— Наскочишь на кого на перевозе-то... Мало ли наших на Вершинки бегают. Яшу-то Лесину забыл? — сказал Колюшка.

— А мы трактом[1].

— Далеко так-то.

— Десять-то вёрст далеко? Ты маленький, что ли? Не дойдёшь?

— Ну-ка, ладно, нето, — согласился Колюшка. — Червей надо накопать, а завтра пораньше пойдём. Не проспим?

— У нас Гриньша в утренней смене. Разбудит меня, — успокоил Петька.

Вершинки — это завод на той же речке Горянке, на которой жили и мы. Посёлок при заводе был маленький, а пруд гораздо больше нашего, горянского. О рыбалке на этом пруду мы давно думали. Мешало одно — не отпускали. По зимней дороге до Вершинок считалось меньше пяти вёрст. Летом пешие рабочие ходили через Перевозную гору, от неё переплывали пруд на лодках или пароме и выходили на зимник[2]. Этот путь был немногим больше пяти вёрст. Но ездить так было нельзя: хлопотливо с перевозом и очень крутой спуск с Перевозной горы. Ездили трактом вдоль пруда. Эта дорога была много длиннее. По

[1] Тракт — большая дорога.
[2] Зимник — зимняя дорога.

ней до Вершинок считалось больше десяти вёрст. Выбрали мы эту длинную дорогу потому, что тут не ждали встретить никого из знакомых взрослых. К тому же на перевозе у нас был враг — угрюмый старик перевозчик Яша Лесина. Раз как-то мы угнали у него лодку, так еле улепетнули. Вдогонку ещё сколько орал:

— Я вас, мошенников! Поймаю, так оборву головы-то! Тому вон чернышу большеголовому первому!

Колюшка потом, правда, говорил:

— Ну, этак он всем ребятам грозит. Где ему всех упомнить, кто лодку угонит.

Мы с Петькой, однако, побаивались:

— А вдруг узнает! Не зря же он про Петькину голову кричал. Заметил, видно.

Уйти из дому на целый день с удочками было просто. Сказались, что пошли до вечера на Пески, а то и к Перевозной горе. В ответ каждый получил строгий наказ:

— Гляди, чтобы к потёмкам домой! Слышал?

Открыто взяли по хорошему ломтю хлеба да по такому же тайком. Каждый не забыл по щепотке соли и нащипал в огороде лукового пера. Червянки были полны, и удочки приготовлены с вечера. Сначала шли хорошо. Было ещё рано, хотя уже становилось жарко.

На пятой версте от Горянки есть участок Красик. Тут был когда-то железный рудник, потом около этого места мыли золото, а теперь по красноватому каменистому грунту весело журчали мелкие ручейки. Живая струя в жаркий день кого не остановит! Стали мы собирать разноцветные галечки. Потом кто-то сказал:

— Ребята, а вдруг тут самородок?

— А что ты думаешь — бывает. Поверху находят.

— Вот бы нам! А? Это бы так точно, — сказал Петька.

— Хоть бы маленький!

— Я бы первым делом жерличных шнурков[1] купил. На шестьдесят бы копеек! Три клубка.

— Найди сперва!

Самородок, конечно, не нашли, но по ручьям спустились к пруду, который в этом месте близко подходил к дороге. Как тут не выкупаться! И место как нельзя лучше.

После купания стали осматривать свои запасы. У каждого было по два ломтя хлеба, по щепотке соли и по пучку лукового пера. До спасова дня[2] нам запрещалось рвать лук с головками, но у Петьки всё-таки оказалось три луковицы, у меня — две. По поводу моих ломтей Петька заметил:

— Тебе, Егорша, видно, бабушка резала? Ишь какие толстенные.

У Колюшки не было луковиц, да и ломти оказались тоненькими.

Петька выбрал самую большую луковицу и протянул ему:

— Бери, Медведко, да вперёд учись у больших!

— Ну-к, я, поди-ка, старше тебя.

— На месяц! О чём говорить! Ты вот лучше померяйся со мной! Увидишь, кто больше.

Я отделил Колюшке половину своего ломтя, но уж ничего не сказал. Наши отцы все жили не звонко, но Колюшке всё-таки приходилось хуже всех.

Когда так подравняли запасы, все отломили по кусочку.

— Эк, с лучком-то! Это так точно! — воскликнул Петька.

— Здóрово хорошо.

— Ребята, дорога-то как кружит! Сколько идём, а Перевозная гора — вот она. Совсем близко.

---

[1] Жерличные шнурки — шнурки для жерлицы, снаряда для ловли щук.

[2] Спасов день — 6 августа старого стиля. В этот день был обычай начинать есть плоды и некоторые овощи.

— Сперва ведь Мохнательную обходили. Она вон какая широкая!

— Про что я и говорю. От Перевозной к этому бы месту.

Под разговоры о прямой дороге мы незаметно и съели весь хлеб до крошки. У каждого осталась лишь соль — было с чем уху сварить. И посуда была: все трое вместо корзинок тащили на этот раз по ведёрку.

Выкупались ещё раз, «на дорожку», и пошли. После еды и купания идти стало легче, приятнее. Стали заглядывать в лес, не попадутся ли ягоды.

Вдруг Петька закричал:

— Ребята, зелёная! У куста села!

И он бросился к кусту, из которого сейчас же выпрыгнула большая ярко-зелёная кобылка. Мы не хуже Петьки знали, что на такую кобылку хорошо берёт крупный елец и чебак, и тоже стали ловить её. Такая кобылка встречается не часто и очень далеко прыгает. Втроём всё-таки одолели, и Петька понёс полузадавленную добычу. Мы ему наказывали:

— Гляди, Петьша, не выпусти! Они страсть живучие!

Петька хвастливо уверял:

— У нас не вырвется! Не такому попала!

Петькино хвастовство показалось обидным.

— Подумаешь! Ловко не выпустить-то, коли я её раз прихлопнул да другой раз ножку обломил. Куда поскачет хромая-то?

Мы предлагали Петьке: «Давай я понесу», — но он важничал, напоминал, что это он увидел и поймал кобылку.

— Вот хвастун! Ещё бы не поймать, коли мы её оглушили! Задаётся теперь. Да мы такого барахла сколько хочешь наловим.

Не сговариваясь, мы с Колюшкой бросились ловить кобылок. Их было много. Чаще всего попадались жирные желтяки, которые смолку дают. За-

жмёшь такую в кулак, поскачешь кругом на одной ножке да попросишь: «Кобылка, кобылка, дай мне смолки!» — она и выпустит каплю. Чёрная, густая, как есть смола! Много было серовиков, каменушек, остроголовиков. Реже попадались чёрные летунцы, но зелёной не было. Петька посмеивался:

— То, да не то. Не то-о!

Зато наша добыча не требовала такой охраны, как Петькина. Сдавишь пойманным головки и бросаешь в ведёрко. Там они и ползают вокруг тряпочки с солью и смолку оставляют, хоть их никто не просит.

Мы так занялись ловлей кобылок, что Петька взвыл:

— Ребята, что всамделе! Кобылок мы пошли ловить али на Вершинки за рыбой? Пойдём скорее! Мало ли таких кобылок! Неси мою, кому охота.

— Ага, покорился!

Я осторожно перехватил зелёную кобылку, и мы зашагали по дороге. Вскоре вышли на урочище речки. По-настоящему это два рукава нашего горянского пруда, через которые переброшены мосты. Один побольше, другой вовсе маленький. Первый прошли спокойно, но на втором остановились. Соблазнило место. В тихой воде были видны заросли щучьей травы, расположенной грядами. По воде плавали на гибких стеблях круглые листья купавок, и везде расходились большие и маленькие круги от плавившейся рыбы.

Как пройти мимо такого места с зелёной кобылкой? Только Колюшка настойчиво твердил:

— Пошли, ребята, до места! Тут вовсе близко, версты, поди, не будет.

Уговорить нас всё-таки ему не удалось.

— Мы только попробуем. Скорёхонько. Ты иди потихоньку один.

Когда Петька разматывал удочку, Колюшка ещё пригрозил:

— Глядите, ребята, заведёт вас эта зелёная!

— Куда заведёт?

— А вот увидишь. Как вечером драть станут, так поминай меня.

— Тебе какая печаль?

— Ну-к, мне столько же попадёт. Знаешь, ведь у нас матери? «Заединщина — заодно и получай!» Только и слов у них, а отцы похваливают: «Пущай без обиды растут!» Говори вот вам!

— Не бойся, Кольша! Мы только два разичка. Это уж так точно. Без этого не пойдём.

Петька насадил кобылку, поплевал ей на головку и забросил в середину самого дальнего прогала, какой можно было достать удочкой. Не прошло и полминуты, как поплавок глубоко нырнул, удилище дрогнуло, и Петька, закусив губу, как в драке, выметнул на мост большую рыбину. Это был елец, но Петька для важности назвал его подъязком. Мы не спорили — уж очень крупный елец. Такого можно и подъязком звать. Петьке повезло: зелёная кобылка оказалась нетронутой, и он снова забросил соблазнительную приманку. Но на этот раз с поплавком было спокойно. Петька терпеливо ждал и в утешение себе говорил:

— Подъязков-то в нашем пруду так точно, а мелочь и подойти боится.

Чтобы не стоять зря, мы с Колюшкой тоже размотали удочки. Колюшка попробовал на червя, и вышло неплохо. Мелкие окунишки брали «по-собачьи», с трудом крючок достанешь. О насадке беспокоиться не приходилось — лишь бы прикрывала жальце крючка.

У меня тоже стали клевать мелкие ельцы и чебачишки. Петька всё чаще начал коситься в нашу сторону, но всё ещё надеялся на свою зелёную кобылку.

— Пф! Мелочь у вас! Такая к моей кобылке небось не подойдёт.

Но вот у него потянуло поплавок. Петька насторожился, опять закусил губу, ловко подсек и вымахнул малюсенького чебачишку. Мы с Колюшкой захохотали.

— О-о! Замах большой — добыча малая.

— Вот тебе и боятся!

Петька сорвал с крючка чебачишку, швырнул его в воду, раскрошил и разбросал по мосту свою зелёную кобылку.

— Пошли, нето, ребята! Пошевеливайся!

Но у Кольки брали окунишки, и он не прочь бы тут остаться до вечера.

— Клюёт ведь. Чего ещё? Тут бы поудили — да домой.

— Эх ты, маленький! Шли-шли, до порога не дошли, постояли да назад пошли. Разве это рыба? А там, может, таких надёргаем, что ну!..

— Ну-к, опоздаем, а мне уж поесть охота.

Упоминание о еде было вовсе ни к чему — есть всем хотелось. В знакомых местах мы хорошо умели узнавать время по солнцу, а здесь как? С моста нам виден был рукав пруда. Извилистые берега так густо заросли ивняком и ольховником, что выхода ни в ту, ни в другую сторону не было видно. Рукав походил на озерко или на зарастающую старицу. С которой стороны тут восход, где полдень? Спросить бы у кого, сколько времени. На наше счастье, по длинному мосту загремела телега. Ехала какая-то женщина.

— Тётушка, который час?

— Не знаю, ребятишки. Из больницы я. Долго там просидела. Час, поди, пятый, а то и больше.

Ясно, она не знала. Откуда пятый, коли вовсе недавно утро было! Не может быть.

— Опоздаем, ребята! Слышали — пятый час! — попытался отговорить Колюшка.

— Не знает она. Насиделась в больнице — вот ей и показалось. Пошли!

В ЛЕСУ ПОД ВЫСТРЕЛАМИ

В маленьком Вершинском посёлке все дома вытянулись одинаркой вдоль тракта. Ближе и удобнее было идти трактом, но мы побоялись вершинских ребятишек: поколотят да ещё удочки поломают. Не любят наших — горянских.

Решили обойти посёлок по заогородам, но это оказалось неудобно. Одни огороды были покороче, а другие глубоко уходили в лес. Петька шутил:

— Самые окуневые места! Закидывай, ребята! Вон под сосной щука метнулась. Жерлицу бы тут, а? В самый раз!

Наконец попался какой-то особо длинный участок. Обходили-обходили его и вышли на зимник, по которому летом ходили на перевоз, а зимой ездили.

Широкая полоса зимней дороги между ровными стенами соснового бора оказалась чудесной. Вся она заросла белой ромашкой, сиреневой блошникой, жёлтой мыльнянкой, голубыми колокольчиками, малиновым иван-чаем. Над хрупкими осыпающимися цветами мыльнянки вились какие-то редкие пёстросиние бабочки. Около длинных цветов иван-чая жужжали медуницы, гудел шмель, летали мелкие пичужки. По пёстрой полянке чернели плотно утоптанные тропинки — «рабочий ход».

— Ребята, обратно этой дорогой пойдём, по рабочему ходу, а?.. Я тут цветков нарву нашей Таютке, — сказал Петька.

— А Лесины не боишься? — спросил Колька.

— Не узнает в потёмках-то. Вершинскими скажемся. Перевезёт!

Решив так, мы вперегонки побежали по тропинкам. Уж очень они хорошо утоптаны, и так их много. Долгоногий Петька, как всегда, опередил всех нас. Колюшка отстал. Там, где красивая полянка зимника перешла в каменистый пустырь, Петька остановился и закричал:

— Гляди-ка, Егорша, масляник ровно бежит.

Низенький Колюшка и верно походил на молодой, крепкий масляк. Бежал он ровно, подавшись всем телом вперёд. Круглая голова и густые, плотно лежащие волосы медного цвета ещё больше делали его похожим на грибок, когда он только что вылезает из земли.

— Отстал, маленький?

— Ну-к что! Зато я этак-то хоть версту пробегу, а ты язык высунешь.

— Ну...

— Вот-те и «ну»... А ты задерёшь башку, руками замашешь... Кто так бегает?

— У тебя поучиться?

— Хоть бы и у меня. Не думай, что ноги долгие, так в этом сила. Дых-от у меня лучше. Вишь, ровно и не бежал, а ты всё ещё продыхаться не можешь.

Это был старый спор. Петька в нашей тройке был выше всех. Худощавый, длиннорукий, с угловатой головой на длинной шее, он легко обгонял нас. Но

бегал он неправильно — закидывал голову и сильно размахивал руками. Оба мы старались уговорить Петьку, чтобы он «бегал по правилу», а Петька щурил свои чёрные косые глаза, взмахивал головой и говорил:

— Эх вы, учители! А ну, побежим ещё.

Под этот спор мы прошли половину пустыря. Тут справа от него выходила торная дорожка с прииска [1] «Скварец». Прииск совсем близко. Не только гудки слышно, но шум машины и поскрипыванье камня под дробильными бегунами [2].

По этой дороге со «Скварца» «гнал на мах» какой-то крутолобый старичина в синей полинялой рубахе, в длинном холщовом фартуке, в подшитых валенках, но без шапки. Фартук сбился на сторону и трепыхался, как флаг. Старик был в таком возрасте, в каком обычно уже не гоняют верхом.

Глядя, как он, сгорбившись, высоко подкидывал локти, мы расхохотались, а Петька крикнул:

— Ездок — зелёна муха! Пимы́ [3] спадут!

Старику, видно, было не до нас. Он даже не посмотрел в нашу сторону, направляя лошадёнку к заводской конторе.

— На телефон пригнал. Случилось, видно, что-нибудь на Скварце, — сделал я предположение.

— Случилось и есть! — подтвердил Петька. — Не без причины караульный пригнал. Это уж так точно.

— Почему думаешь, караульный?

— На́ вот! Не видишь — старик, в пима́х... Кому быть?

— Пожар, поди...

— А гудок где? Завыло бы, а видишь — молчит. Нет, тут другое.

— Золото украли?

---

[1] Прииск — место, где добывают золото, серебро и другие ископаемые.

[2] Дробильные бегуны — тяжёлые колёса, которыми дробят в песок золотоносные камни.

[3] Пимы — валенки.

— Украдёшь, как же! Тятя сказывал — большая строгость у них. Стража там, начальство... Подступу нету. Всякого обыскивают. Догола раздевают. Украдёшь! Так точно.

— А много на Скварце рабочих?

— С тысячу, а то и больше.

— И все в земле? — спросил Колюшка.

— Ты думал — на облаке? — захохотал Петька.

— Ну-к, мало ли. У машин там, либо ещё где. А где они живут?

— Казармы там. Помногу в одном доме живут. Больше пришлый народ. Отовсюду. И наши, заводские, есть. Только они домой бегают через перевоз.

По приисковой дороге опять показались две лошадёнки, запряжённые в песковозки. На той и другой таратайке стояли женщины, размахивавшие концами вожжей. Из лесу наперерез им вылетел на высокой гнедой лошади стражник с зелёными жгутами на плечах и заорал:

— Куда вы? Поворачивай сейчас же!

Женщины что-то кричали в ответ, но нам не было слышно. Потом они поворотили лошадей и трусцой поехали обратно, а стражник направился к конторе. Старик уже вышел из конторы, и около него толпилось человек десять — пятнадцать. Стражник что-то сказал старику. Тот закивал плешивой головой, взобрался с чурбана на лошадь и поехал обратно. На этот раз шагом. Стражник ещё что-то говорил около конторы. Часть людей торопливо побежала к посёлку, а часть пошла к зимнику. За ними поехал и стражник.

Старик остановился у леса, привязал лошадь к сосне, сел на пенёк, достал кисет и стал курить цигарку.

— Это так точно... — проговорил Петька.

— Что — так точно?

— Видел — горная стража выскочила?

— Ну?

— Ну и ну... Только и всего.

На плотине с дребезжанием прозвучало пять ударов колокола.

— Пошли, ребята! Вон уж сколько часов!

— Верно тётка-то говорила. Опоздаем мы.

— Часика два прорыбачим — и домой.

Пруд был тих и пустынен. Только на мостике между ледорезами стоял человек с удочкой да в дальнем заливе виднелся одинокий рыбак на лодке.

Место для рыбалки мы выбрали удачно. Колюшка первый вытащил довольно порядочного окуня. Потом пошло и у нас. Петька уже хвастался:

— Полторы четверти от хвоста до головы! Винтом шёл. Еле выволок его!

Два часа промелькнули, как миг. Когда плотинный караульный отдал семь ударов, Колюшка стал сматывать удочки.

— Ну-ка, ребята, хватит! Тоже не близко, хоть и по перевозу. То да сё — дождёмся потёмок.

— Испугался?

— Испугался не испугался, а пора. Есть мне охота.

— У тебя только и разговору, что об еде.

— Ну-к, к слову я...

— Опять закословил!

Спускаясь с плотины, мы увидели, что старик сидит на том же пне, а около сосны стоит привязанная лошадь.

— Видно, стражник ему велел дорогу караулить. Оттуда не выпускают, а туда? Пустят — нет?

— Дедко, что там случилось? — крикнул Петька.

— Свинушка отелилась, — откликнулся старик.

— Нет, ты скажи толком.

— Толком — с волком, со мной — шутком.

— Свадебщик, видно, — догадался Петька и звонко закричал: — Ездок — зелёна муха! Пимы потерял!

— Я потерял, ты подобрал — кто вором стал? — откликнулся старик.

— Тьфу ты, не переговоришь такого! — плюнул Петька.

Не много успели пройти по пёстрой полянке зимника, как где-то близко — нам показалось, в лесу, слева — раздался выстрел. Было время охоты на боровую птицу, и выстрелы в лесу были не редкостью. Только тут происходило что-то непонятное. Не прошли и десяти шагов — опять выстрелы. На этот раз часто, один за другим. Снова одинокий выстрел, и опять — раз, два, три...

— Хо́ду, ребята! — крикнул Петька и бросился с полянки в лес направо, туда, где мы пробирались, когда шли вперёд.

На полянке зимника было ещё совсем светло, а в лесу уже стало по-вечернему неприветно, глухо, угрюмо.

Бежать лесом с удочками и ведёрками не так удобно, и наш Кольша растянулся. Он сломал удилище, поцарапал себе руку и рассыпал своих окуней. Невольная остановка, пока собирали рыбу, нас немного образумила.

Куда бежим? Зачем?

Выстрелов больше не было, и мы отправились обратно к зимнику. На опушке оказался какой-то молодой мужик в розовой, измазанной глиной рубахе. Заметив нас, он негромко спросил:

— Вы куда?

— На перевоз. В Горянку нам.

— Не велено тут! Вон, гляди, стражники...

Вдали мы увидели человек пять стражников. Разъезжал и тот, который заворотил женщин на прииск. Притаившись за деревьями, мы стали спрашивать мужика:

— Дяденька, а как нам в Горянку-то?

— Трактом попытайтесь.

— Тут-то хоть что?

— Ловят одного...

— Кого?

— Ну, начальство знает. Отойдите-ко, а то ещё налетит. Вишь, сюда глядят...

— Кто стрелял-то?

— А мне видно? Стражники, поди... Может, и тот стрелял.

— Кто?

— Да которого ловят... Уходите, ребята. Не велено сказывать. Политика он... Поняли? Уходите сейчас же.

Слово «политика» мы слыхали. Взрослые в наших семьях говорили это слово с опаской, потихоньку, но с уважением. Зато наш уличанский подрядчик Жиган орал на всю улицу, когда рассчитывался со своими рабочими:

— Вы что? Политика али что? Научились, главное дело, в чужом кармане считать! Покажу вот дорожку! Покажу! Становому [1] сказать — живо отправит. Сибирь-то, она, брат... На всех, главное дело, хватит!

Опять послышались выстрелы. Редкие, гулкие, но тех, коротких и быстрых, на этот раз не было. Стражник на гнедом коне поскакал во весь опор к перевозу.

— Углядел что-то коршун!— промолвил мужик в розовой рубахе.

Выстрелы стали чаще, но всё такие же гулкие.

— Нашли дурака! Так он вам и покажет, где сидит!

— Он где?

— Кто знает, может — в этом лесу, может — давно через тракт перебежал. Ищи тогда! Простоим ночь у пустого места.

— Ты караулишь?

— Поставили, вот и стою. Что станешь делать! А вы лесом-то не ходите, прямо на огороды правьтесь. Перелезете где-нибудь да по тракту и ступайте, а то ещё под нечаянную пулю попадёте.

---

[1] Становой, или становой пристав, — полицейский начальник.

Мы послушались совета. Пошли прямо на огороды, перелезли через прясло [1], прошли лесной участок и вышли на разделанное под огород место. Огород упирался в глухую стену надворных построек, проездные ворота были заперты. Постройки были хорошие, под железными крышами. Видно, это был дом какого-нибудь заводского начальства.

Перешли ещё два-три огорода, а всё то же: глухая стена построек и запертые ворота. Наконец попался нам «голый дом», у которого стояла одна покосившаяся конюшенка без крыши. Через прясло виден был тракт. Это как раз нам и надо было. И гряды здесь шли вдоль — удобно для выхода.

— Ну-к что, пошли, ребята! — И Кольша, помахивая ведёрком и обломком удилища, пошёл по борозде между картофельными грядами, мы — за ним.

В это время яростно залаяла собачонка, выбежавшая из-за конюшенки. За собачонкой вылетела женщина в синем платке, с какой-то узенькой крашеной дощечкой, должно быть от кросен [2].

Женщина угрожающе взмахивала дощечкой и кричала:

— Я вас, негодников! Нарву вот крапивы...

Кольша, однако, спокойно шёл прямо на женщину. Он у нас всегда такой! Без сноровки и в драку ходил. Мы, конечно, поторопились поддержать товарища:

— Мы, тётенька, не воровать...

— Нам только на улицу перелезть.

— Что вам тут за дорога? — спросила женщина помягче.

— Не пускают зимником-то, велят по тракту. Мы и пошли огородом. Ничего не рвали, хоть обыщи!

Женщина цыкнула на собачонку и совсем спокойно стала спрашивать, чьи мы, как сюда попали и что видели на зимнике.

---

[1] **Прясло** — изгородь из жердей.

[2] **Кросны** — ручной ткацкий станок, на котором крестьяне ткут холст.

Когда мы рассказали, женщина раздумчиво проговорила:

— И здесь, поди, вас не пропустят. Возчиков вон всех заворотили. До Речек, слышно, облаву протянули. Недавно ваш горянский на паре лошадей стражников привёз. Как быть-то? Ночевать, видно, вам у меня. А дома-то, поди, ждать будут. Спрашивались хоть у матерей-то?

— Нет, тётенька. Не спрашивались.

— Ох, ребята, горе с вами! На-ко, куда не спросясь убежали! Как теперь, а?.. Темно ведь скоро будет, а то бы по Коровьему прошли, а там берегом. Забоитесь по потёмкам-то?

— Не забоимся, тётенька! Не маленькие, поди.

— Видать! Так вы, нето, по заогородам ступайте. Тут их всего восемь осталось. У последнего-то огорода, от крайнего столба, прямёхонько идти. Тропки там пойдут к болоту — оно ныне сухое. Ишь в огороде-то всё сгорело. Вдоль того болотца и ступайте. Оно вас к пруду выведет. Там мысок есть. На этой стороне мысок и на той мысок. Это и будет Коровье. Тут хоть широконько, а мелко: коровам по брюхо. Мы тут когда бегаем... в обход мостиков. Много короче выходит. А дальше — тропка, прямёхонько к Перевозной горе. Знаете, поди, те места?

На плотине пробило девять. Колюшка не поверил:

— Просчитался дедко. Девять отбил!

— Девять и есть, — подтвердила женщина.

Когда мы пошли обратно к пряслу, она остановила нас:

— Постойте-ко, ребята, я вам хоть по кусочку дам. Захотели, поди, рыболовы?

Отказываться мы, конечно, не стали, и женщина вынесла нам три ломтика круто посоленного ржаного хлеба.

— Передайте матерям-то поклончик от Настасьи Огибениной. Пущай хорошенько вас надерут! — И сейчас же предупредила: — Вы, ребята, через

прясло-то не ползайте. Тут через два огорода такие кикиморы живут. Придумали цепную собаку в огород спускать. Оборвёт пятки-то. По заогородам идите! Да не забывайте — от последнего столба прямо. А как переходить станете, на мысок правьтесь. Направо-то глубоко. Не утоните хоть!

— Мы, тётенька, плавать умеем.

— Сажонками, по-собачьи, по-лягушачьи. Это уж так точно.

— Вижу, что мастера. По три раза на день таких драть, и то, поди, мало. Ох, ребята, ребята!..

И вот мы опять в лесу, за огородами. Хлеб тётушки Настасьи оказался летучим — в минуту ни у кого не оказалось.

— Лучше бы она и не давала! — печально вздохнул Колюшка, а Петька набросился:

— Ты опять о хлебе! Под ноги гляди. Рыбу не рассыпь. Смотри, тихо, ребята! В оба гляди!

В лесу становилось темно. Трава под ногами потемнела и казалась мёртвой. Откуда-то появилось много мелких чёрных сучьев. Куда ни ступишь — хрустят. Пока пробирались по заогородам, лес был «свечкой», а от крайнего столба пошёл «мохнач», какой растёт около болот. В таком лесу, да ещё с большой примесью мелкого, и днём на пяти шагах человека не найдёшь, а вечером и подавно. Тропку всё-таки нашли без труда, и она вывела нас к болоту. Идти стало хуже. То и дело под ногами подвёртывались узкие сухие кочки с глубокими провалами между ними. Провалишься — и под ногой обязательно хрустнет. Откуда только насыпалось столько всякой дряни! А Петька шипит:

— Ш-ш... ты! Тихо! Слышишь — говорят.

Болото подходило местами близко к тракту. Оттуда вдруг послышались голоса:

— Не иголка, главное дело... Кругом обложено. Укажут ему дорожку, укажут! Сибирь-то, она на всех, главное дело, хватит.

— Не горячись ты, сват! Может, он близко где... слышит тебя.

— А я боюсь? Да мне, главное дело, попадись только: сразу — прощай, белый свет...

Дальше не стало слышно, но мы все узнали, что это говорил наш уличанский подрядчик Жиган.

— Откуда тут Жиган? — прошептал Петька.

— Он, может, стражников-то и привёз из Горянки. Тётенька про которых сказывала.

— И то... Тихо, ребята!

Болотце пошло влево, и голосов вовсе не стало слышно. Но от этого было ещё страшнее. А вдруг заблудились! Уклон стал заметнее. Под ногами захлюпала вода.

— Она говорила, пересохло болото, а тут вода. Неладно, видно, идём, — сказал Кольша.

— К пруду пошло, то и вода. Не видишь — кусты там? Берег, значит... Тихо, ре...

Петька замер, не договорив слово. Остолбенели и мы.

Вправо от нас, прислонившись к сосне, сидел человек. В потёмках нельзя было разобрать, молодой или старый, но без бороды и усов. Было видно, что одна нога у него разута, другая в сапоге. Правая рука была под широковерхой фуражкой, которая лежала на земле.

Человек сидел и молчал. Мы тоже молчали. Потом он попросил:

— Хлебца у вас, ребятки, нет? Кусочка...

Эти простые слова сразу успокоили. Даже веселее стало. Всё-таки с большим, а то вовсе страшно в лесу.

Узнав, что у нас нет ни крошки, незнакомец стал нас расспрашивать, зачем мы сюда попали, кто наши отцы, где живут, куда мы идём.

Мы наперебой принялись рассказывать, а он то и дело напоминал:

— Потише, ребятки, потише. Не кричите!

Когда мы рассказали, что хотим перейти пруд бродом, незнакомец заговорил быстрее, короче:

— Брод? Где? За этими кустами? Мне бы с вами.

Помолчав немного, незнакомец сказал:

— Ну-ка, ребятки, кто из вас покрепче?

Этот вопрос в нашей тройке давным-давно был решён и сотни раз проверен. Мы с Петькой враз указали на Колюшку:

— Вот, дяденька, он.

— Этот? Всех меньше, а всех сильнее?

— Это уж так точно. Обоих оборает[1] и на палке перетягивает. Медведком его зовём.

— Медведком? — усмехнулся незнакомец. — Ну-ка, подойди поближе. Встань вот сюда. Попытаем твою силу. — И он положил обе руки на плечи Колюшки, но сейчас же снял.

— Нет, ничего не выйдет. Идите вперёд ребятки, а я волоком за вами.

— Ты идти-то не можешь? — спросил Колюшка.

— То-то, Медведушко, не могу...

— Подстрелили тебя?

— Много узнаешь — дедом станешь. Иди.

— Ну-к, я сапог, нето, твой понесу.

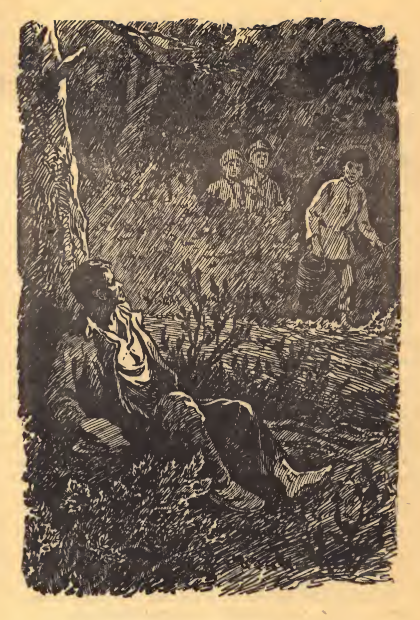
— Это дело.

Незнакомец надел свою фуражку. Под ней оказался большой револьвер. Сунув револьвер в левый карман куртки, раненый лёг на правый бок, подогнул, насколько можно, здоровую ногу вместе с прижатой к ней раненой, оперся руками о землю и подтянулся вперёд.

В густой заросли кустарника мы нашли извилистую, переплетённую корневищами, но широкую тропу. По ней, видно, спускались коровы, когда стадо пасли на этом лесном участке. Тропа выходила на песчаный мысок, о котором говорила тётушка Настасья. Брод и выход к дому были перед нами.

---

[1] Оборать — побеждать, осиливать в борьбе.

Прислонившись к сосне, сидел человек.

МИМО ДВОЙНОГО КАРАУЛА

Петька первым выбежал на мысок и сейчас же зашипел на нас:

— Тш... тш... Тише вы! Разговор где-то...

Мы прислушались. Справа как будто доносились голоса, но так смутно, что Колюшка заспорил:

— В ушах у тебя, Петьша, звенит.

— Как не так! Слушай хорошенько. Вот...

На этот раз довольно ясно донёсся смех.

Петька побежал к раненому, который с трудом, тихо постанывая, пробирался по коровьей тропе.

— Там, дяденька, разговаривают. Много...

— На том берегу?

— Нет, на этом же, только подальше.

— Ну погоди — сам послушаю, а вы потише.

Раненый подполз к самому берегу и стал прислушиваться.

— Говорят где-то. Не близко только. Это по воде наносит. Потише всё-таки нам надо. Как бы не услышали. Ну, кто первый брод пытать будет?

Мы не заставили себя ждать, но Петька всё же опередил. Он был уже в воде и хвалился:

— Как щёлок, вода-то! Теплёхонькая.

— Тише, ребятки! Не булькайтесь! Если глубоко, лучше вернитесь, — посоветовал раненый.

Брод оказался удобным, но в одном месте, ближе к тому берегу, было всё-таки глубоко. Переползти тут и высокому человеку было невозможно.

Выбравшись на другой берег, все мы, стуча зубами от холода, первым делом решили:

— Нет, не переползти ему.

— Глубоко. Где переползти!

— Кольше до самого горла доходит. Куда!

Подскакивая на песке, я уколол себе ногу. Ухватившись рукой за больное место, нащупал что-то лёгонькое. Оказалась сломанная серёжка.

— Гляди-ка, ребята!

— Может, золотая?

— Золотая! Кому тут золото терять. Медяшка — это так точно. Пятак пара... Постой-ка, ребята... может, тут перевоз вовсе близко. Сбегать бы поглядеть. Вон она, тропка-то!

— Без рубах?

— Ночь ведь.

— Холодно...

— А мы бегом.

— Ну-к, а тот?

— Что — тот?

— Подумает — убежали...

— Это так точно. Тогда, нето, вот как... Ты ступай к нему, а мы с Егоршей сбегаем. Нельзя ли там лодку подцепить. Так ему и скажи: лодку, мол, искать пошли, а без этого ему не переползти.

— А если вас поймают?

— Без рубах-то?

— Ну...

— Егорша тогда свистнет. Услышишь небось.

— Тогда погодите. Сперва я перебреду. Боюсь я один по воде-то.

Мы подождали, пока Колюшка переходил пруд, потом побежали по плотно утоптанной тропинке. Взошла луна, и по лесу легли белые полосы. Страху всё-таки не стало. Мы знали, что позади нас люди и впереди, где-то близко, тоже. Дорожка была удобна. Она вывела нас к тем ручьям, где мы утром искали золото.

— Гляди-ка, Егорша, сколь мы давеча зря колесили. Тут вовсе прямо. А это уж к Перевозной горе пошло. Верно? Узнал место-то? Дураки были — кругом-то шли.

Под ногами пошёл плитняк. Надо было выбирать, как лучше ступить, чтобы он не расползался и не гремел под ногами. На этом ползучем плитняке потеряли было тропинку, но вскоре нашли. Дальше опять она пошла хорошо убитая, удобная.

Место здесь было знакомое, и мы почувствовали себя ещё лучше.

На перевозе было тихо. Недалеко от перевозной избушки горел костёр. У костра спиной к нам сидели двое. В одном мы сразу узнали Яшу Лесину. Другой был незнакомый. Паро́м и все четыре перевозные лодки стояли у этого берега. Паром приходился как раз перед избушкой, а лодки были зачалены вдоль берега, ближе к нам. С краю стояла тяжёлая лодка, человек на двадцать. Выбирать, однако, не приходилось: только её и можно было увести незаметно.

Петька указал пальцем на лодку, и оба мы, прячась за деревьями, стали спускаться к берегу. Осторожно сняли чалку с пенька, ещё осторожнее вошли в воду и, пригнувшись за правым бортом, легко сдвинули и повели лодку. Делалось это молчком. Тишину нарушали только всплески крупной рыбы в пруду да глухой гул голосов около костра.

Под ногами опять пошёл плитняк. В воде по нему идти было ещё хуже. Влезли в лодку, сели за вёсла и поплыли, стараясь не шуметь. Лодка была тяжела для нас, но всё же подвигалась, только виляла: то пойдёт вглубь, то лезет прямо на берег. Каждому из нас казалось, что виноват другой, и мы до того забылись, что стали громко перекоряться.

— Потише, ребятки! — образумил нас голос с берега.

Это было так неожиданно, что мы оба чуть из лодки не выпрыгнули. Оказалось, что незнакомец с Кольшей давно услышали нас и сами позаботились найти удобное для причала место. Они выбрались повыше мыска. Незнакомец сидел на береговом камне, а рядом стоял Кольша со всеми удочками, ведёрками и нашей одеждой.

— Кормой подводи, ребятки! — распорядился раненый и, когда лодка зашуршала бортом о камень, похвалил: — В самый раз. Молодцы, ребятки! Замёрзли, поди, без одежонки-то?

— Нет, дяденька. Вспотели даже.

— Скажите, как вам лодку пособило увести? Видели кого на перевозе?

Мы рассказали. Раненый спросил:

— Все, говорите, лодки у парома?

— Ну, а как же! Четыре их. Все они тут.

— На том берегу нет?

— Откуда!

— А вы глядели?

— Да не видно там. К кустам-то тамошним вовсе черно.

— Так, — проговорил раненый и ещё раз спросил: — Не видно от парома тот берег?

— Нисколечко. Это уж так точно.

— У тебя отец из солдат, что ли?

— Нет, моего отца не брали. Вон у Егорши с Кольшей отцы в солдатах были.

— У них и научился?

— Такточнать-то?

— Ну...

— Да у меня тятенька этак не говорит, — заступился я за своего отца.

— А у меня? Кто слыхал?—отозвался Колюшка.

— Привычка такая... Это уж так точно, — потупился Петюнька.

— Эх ты, голован! Привычка старая, а годы малые! — рассмеялся раненый. — Ну, вот что, ребятки!.. Оделись? Ставь свои ведёрки да удочки в лодку. К перевозу мне незачем. В той стороне, видно, ждут меня. Попытаем по этому берегу. Только вы, чур, молчок. Поняли? Кто бы ни спрашивал — ни одного слова! Ладно?

Нам стало не по себе.

— Теперь садитесь, ребятки, а я потом.

Мы забрались в лодку. Раненый ловко перекинулся с камня на кормовую скамейку и стал готовиться в путь. Он первым делом вытащил из кармана револьвер и положил его на скамейку, под правую руку.

Снял куртку и надел откуда-то взявшийся широкий рабочий фартук, повязал лицо платком, будто у него болят зубы. Только узел сделал не сверху, а на самом подбородке. Вместо фуражки надел вытащенную из кармана шляпу-катанку[1], в каких ходят на огневую работу[2].

У нас начался было спор, кому сидеть на вёслах, но раненый строго приказал:

— Без спору! Сам рассажу, как надо. — И велел Петьке сесть к правому веслу, мне — к левому, а Колюшке сказал: — Ты, Медведушко, в самый нос ступай да повыше как-нибудь взмостись. Не упади только.

Когда все приготовления кончились, раненый сильно оттолкнулся веслом от камня. Лодка теперь пошла без виляний и гораздо быстрее, чем у нас с Петькой. Держались не близко к берегу. Там, где берег делает крутой поворот направо, нас окликнули:

— Эй! Кто плывёт? Отзовись!

Нас удивило, что незнакомец направил лодку на голос.

Не подплывая, однако, к берегу, он спокойно отозвался:

— Тихонько говори! Вроде объезда мы. Стражники велели объехать.

— Так ведь мы караулим...

— Не верят, видно.

— Сами бы тогда и караулили! Гоняют народ. Мне утром-то, поди, на работу, — сердито сказал голос с берега.

— Нам, думаешь, на полати?

— То и говорю — мытарят народ.

— Кто у тебя с правой-то руки стоит? — спросил незнакомец.

---

[1] Шляпа-катанка — войлочная шляпа с полями.

[2] Огневая работа — работа возле сильного огня, например у доменных печей.

— Поторочин Андрюха, из Доменной улицы... Слыхал?

— Как не слыхал — в родне приходится. А с левой руки кто?

— К перевозу-то? Никого нету. На краю стою.

— Как нету? Стражники говорили — везде поставлены.

— Слушай ты их больше! Говорю, нету. Кого там караулить? Между зимником и трактом тот сидит. Коли он брод знает, и то не уйти. По всему тракту до самой плотины люди нагнаны и стражники ездят. Не уйти мужику. Вы не слыхали чего?

— Нет, не слыхали. Ты потише говори — не велено нам.

— А ты испугался?

— Что поделаешь! У них палка, у нас затылок.

— То-то у тебя все как онемели. Ты сам-то хоть чей будешь?

— Не признал, видно?

— Не признал и есть.

— Подумай-ко... Делать-то всё едино нечего.
— Скажись, кроме шуток.
— Не велено, говорю. Завтра всё скажу.
— Шибко ты боязливый, гляжу.
— Да ты не сердись! Говорю, завтра узнаешь, а пока помалкивать станем.

И незнакомец махнул нам рукой — гребите. Мы налегли на вёсла, и лодка пошла под самым берегом.

На паромной пристани никого не было. Против, на Перевозной горе, всё ещё горел костёр. Когда подплыли ближе к заводу, незнакомец проговорил:

— Ну, спасибо, ребятки, — выручили наполовину. Как дальше будем? Ещё помогать станете или уж будет? Натерпелись страху-то?

— Пусть другой кто боится. Мы не струсили! — сказал Петька.

— Ты за себя говори, а не за всех.

— Так мы, поди-ка, заединщина, — поспешил я поддержать Петьку.

— Ты что скажешь, Медведко?

— Ну-к, я — как Петьша с Егоршей.

— Тогда вот что, ребятки... Я вам покажу место, где меня искать. Только чтоб никому... Поняли?

Мы стали уверять, что никому не скажем.

— Ни отцу, ни матери. Не то худо будет. Знаю ведь, в которой улице живёте.

— Да что ты, дяденька, разве мы такие!

— Ну, мало ли... Славные будто ребятки, да не знаю ваших отцов. То и говорю так, а вы за обиду не считайте. Ну, а если выдадите, беда вам будет.

Когда мы стали уверять, что никому ни за что не скажем, раненый заговорил опять ласково:

— Ладно, ладно — верю. Слушайте вот, что вам скажу. Сейчас мы подплывём к просеке на Карандашеву гору. Тут ещё рудник был. Знаете?

— Костяники там много по ямам бывает.

— Ну вот. Против этой просеки я и вылезу. Толь-

ко не на берегу буду, а постараюсь за ночь переползти к покосной дорожке. Лес там мелкий, да густой. Вот там и буду вас ждать. А вы мне хлеба притащите да черепок какой под воду. Ладно?

Мы, конечно, согласились.

— А как меня искать будете?

— Придём туда, кричать станем, ты и отзовись.

— Вдруг не узнаю ваших голосов, тогда как?

— Тогда... тогда Егорша пусть свистнет. Он у нас первый по улице. Большие против него не могут. Так свистнет — сразу услышишь.

— Нет, ребятки, это не годится. Вы лучше так сделайте. Идите из Горянки по покосной дороге. Как дойдёте до Карандашевой горы, до просеки этой, поворотите на неё да к пруду и ступайте — и всё одну песенку пойте. Какую знаете?

— Ну, про железную дорогу:

Полотно, а не дорожка,
Конь, не конь — сороконожка...

— Вот... Её и пойте потихоньку, а я отзовусь. А если не отзовусь — значит, меня тут нет.

— Ты где будешь? — спросил Петька.

— Как придётся. Сам не знаю. А теперь приставать станем. Вон она, просека-то.

Высадившись на берег, раненый посоветовал:

— Вы, ребятки, так под берегом и плывите. У крайних улиц где-нибудь и высадитесь. Ваша-то которая?

— Пятая с этого конца.

— Тогда пораньше. А то, поди, ждут вас — заметят. Да лодку-то оттолкните! Её за ночь к плотине и унесёт. Вишь, в ту сторону ветерком потянуло. Не проболтайтесь смотрите!

Оставшись одни, мы долго сначала молчали. Лодка у нас завихлялась. Колюшка перебрался к рулевому веслу, и всё это молчком.

Первым заговорил Петька:

— Гляди, ребята, чтоб ни-ни! Колотить дома будут — говори одно: ходили на Вершинки.

— Отлупят всё равно.

— Ну-к, про это что говорить...

— Это уж так точно. Готовьсь, ребята! Только чтоб ни словечка про того-то! Да хлеба-то припасайте. Покормят, поди, нас... Отлупят сперва, потом кормить станут. Не зевай тогда! Ты, Егорша, у бабушки ещё попроси. Скажи, не наелся. Она тебе ещё отрежет, а ты — в карман.

Была глубокая ночь, но в домах кое-где видны были огни. Фабрика молчала — был летний перерыв. Только над домной взлетали столбы искр.

Чем ближе мы подплывали, тем страшней становилось. Вот и Вторая Глинка. Через одну улицу наша Каменушка.

— Правь, Кольша, к плотику. Высаживаться, видно, надо.

Мы высадились на плотик, уложили вёсла в лодку, повернули её носом вглубь, оттолкнули от плотика, а сами по гибким доскам вышли на берег. Пройти ещё шесть-семь домов до переулка, пересечь Первую Глинку — и мы дома... Никто, однако, не радовался. Каждый только пошарил в своём ведёрке и рыбу покрупнее вытащил наверх.

— Ну-к, я говорил — заведёт нас зелёная. Вот и завела!

— Чудак ты, Кольша! Человека из беды выручили, а ты материной трёпки испугался.

— А что, если, ребята, это конный вор?

Сначала мы просто опешили от этого вопроса, потом принялись доказывать Кольше, что это он вовсе зря придумал, что конных воров народ ловит, а не стражники, револьверов у конных воров не бывает, а подпилок да верёвка.

— Ну-к, я тоже думал — не вор, — успокоил нас Колюшка. — Это он сам, как мы вдвоём-то оставались, всё про лошадей спрашивал. Я сказал, что у

Жигана девять лошадей, а он говорит — это мне не надо, скажи про рабочих, у кого есть лошадь. Вот я и подумал, на что ему.

— Сказал про лошадей-то?

— Всех перебрал на нашей улице...

— А он что?

— Не знаю, говорит, этих людей.

— Ну, вот видишь! Он знакомого человека ищет и с лошадью. Перевезти его. Это уж так точно. А что, ребята, если Гриньше сказать? Он нашёл бы лошадь.

— Выдумал! Тебе что говорили? Если скажешь — я с тобой не заединщик.

— И я тоже.

— Ладно, ребята! Завтра спросим... про Гриньшу-то.

Всё это говорилось на берегу. Лодку отнесло так далеко, что едва можно было разглядеть. Домой всё-таки надо идти.

Ох, что-то будет?..

ДОМА

У всех нас матери не спали.

Встретили «горяченько», но вовсе не так, как мы ждали. Отцов у нас с Петькой не оказалось дома. По первым же словам мы поняли, где они.

Матери даже не спросили, как, бывало, раньше, когда мы опаздывали: «Что долго? где шатался? куда носило?» — а сразу перешли к приговорам:

— Я тебе покажу, как за большими гоняться! Будешь ещё у меня? будешь? будешь?

— Больших угнали, а ты куда полез? Тебя кто спросил? кто спросил? кто спросил?

— Стражники наряжали? наряжали тебя? наряжали?

— Будешь помнить? будешь помнить? будешь помнить?

Вопросы, по обычаю тех далёких дней, подкреплялись у кого вицей [1], у кого — голиком, у кого — отцовским поясом. Мы с Петькой орали на совесть и отвечали на все вопросы, как надо, а терпеливый Колюшка только пыхтел и посапывал. За это ему ещё попало.

— Наказанье моё! Будешь ты мне отвечать? будешь? будешь? Слышь, вон Егорко кричит — будет помнить, а ты будешь? А, будешь? Смотри у меня!

После расправы я сейчас же забрался на сеновал, где у меня была летняя постель.

Петька со своим старшим братом Гриньшей тоже спали летом на сеновале. Постройки близко сходились. У нас был проделан лаз, и мы по двум горбинам легко перебирались с одного сеновала на другой. На этот раз Петька перелез ко мне и зашептал:

— Гриньша тут. Спит он. Потише говори, как бы не услышал. Про Вершинки-то сказал?

— Нет. А ты?

— Тоже нет. Тебя чем?

— Голиком каким-то. Нисколь не больно. А тебя?

— Тятиным поясом. В ладонь он шириной-то. Шумит, а по телу не слышно. Гляди-ко у меня что! — И Петька сунул что-то к самому моему носу.

По острому запаху я сразу узнал, что это ржаной хлеб, но всё-таки ощупал руками.

— Этот — большой-то — мне Афимша дала, а маленький — Таютка. Она с мамонькой в сенцах спит. Как я заревел, она пробудилась, соскочила с кошомки [2], подала мне этот кусок: «На-ка, Петенька!» — а сама сейчас же плюхнулась и уснула. Мамонька рассмеялась: «Ах ты, потаковщица!» Ну, а я вырвался да дёру. Под сараем Афимша мне и подала эту ломотину. Ишь оцарапнула — это так точно!.. Ещё, может, покормят. Не спят у нас. Ну, не покормят —

[1] Вица — хворостина, прут, розга.
[2] Кошомка, кошма — войлочная подстилка.

мы этот, Таюткин-то, съедим, а большой тому оставим. Ладно?

Мне стало завидно. Ловко Петьке! У него четыре сестры. Таютка вовсе маленькая, а тоже кусочек припасла. А меня и не покормит никто!

Но вот и у нас во дворе зашаркали по земле башмаками. Петька толкнул меня в бок:

— Твоя бабушка вышла!

Смешной Петька! Будто я сам не знаю. Шарканье башмаков затихло у дверей в погребицу. Скрипнула дверка. Минуты две было тихо, потом послышался голос:

— Егорушко! Беги-ко, дитёнок!

Да, бабушку тоже неплохо иметь!

Петька шепчет:

— Ты ещё попроси! Не наелся, скажи. А сам не ешь! Почамкай только. Она не увидит.

Быстро спускаюсь с сеновала и подбегаю к погребице. Бабушка нащупывает одной рукой мою голову, а другой подаёт большой ломоть хлеба.

— Поешь-ко, дитятко! Проголодался, поди? Шуточно ли дело — с одним кусочком целый день. Да не поворачивай кусок-то. Так ешь!

По совету Петьки, я начинаю усиленно чавкать, будто ем, и в то же время спрашиваю:

— Ты, бабушка, видела мою рыбу-то?

— Видела, видела... Хорошая рыбка. Завтра ушку сварим.

— Окуня-то видела... большого? Еле его выволок. С фунт, поди, будет. Будет, по-твоему?

— Кто знает... Хорошая рыбка. Как у доброго рыболова.

— Чебак там ещё... Видела?

— Ну, как не видела... Всё оглядела. Пособник ведь ты у меня! — И бабушка поглаживает меня по голове.

Я всё время усердно чавкаю, потом говорю:

— Бабушка, я не наелся.

— Съел уж? Вот до чего проголодался! А мать-то и не подумает накормить! Сейчас я, сейчас... сметанкой намажу... Ешь на здоровье.

В это время хлопнула дверь избы, и мама звонко крикнула:

— Ты, рыболовная хворь! Иди-ко! Сейчас чтоб у меня!

Голос был строгий. Надо идти, а куда кусок, который я держал за спиной? Тут оставить — Лютра схамкает. В карман такой не влезет... Как быть? Сунул за пазуху — сметана потекла. Тоже бабушка! Всегда она так!

На столе оказались горячая картошка с бараниной, творожный каравай и кринка молока. Но приправа была горькая — мама плакала. Лучше бы она десять раз меня голиком, чем так-то. И я тоже разревелся.

— Не будешь больше?

— Не буду, мамонька! Вот хоть что... не буду. Засветло домой... всегда...

— Ну ладно, ладно... Хватит! Поешь вот... Один ведь ты у меня.

После этого я уж мог есть без помехи. На душе светло и весело, как после грозы. Но ведь надо ещё тому запасти. Об этом я не забывал, да и забыть не мог: струйки сметаны с бабушкина ломтя стекали на живот и холодили. Было щекотно, но я всё время поёживался и крепко сжимал ноги, чтобы не протекло. Как тут забудешь!

Припрятать что-нибудь, однако, было трудно. Мама стояла тут же, около стола, и смотрела на мою быструю работу. Бабушка тоже пришла в избу и сидела недалеко.

По счастью, в окно стукнули. Это Колюшкина мать зачем-то вызывала мою.

Тут уж надо было успеть.

Я ухватил два ломтя хлеба и сунул их за пазуху, а чтобы не отдувалась рубашка, заправил их по бо-

кам. Быстро выбросил из правого кармана всё, что там было, и набил его картошкой с бараниной. С левым карманом было легче. Там лишь берестяная червянка. Вытащить её, выгрести остатки червей, наполнить карманы рыхловатым, тепловатым караваем — дело одной минуты.

Когда мама вернулась, я был сыт и чувствовал бы себя победителем, если бы не проклятая сметана. Она уже ползла по ногам, и я боялся, что закаплет из левой штанины.

— Зачем Яковлевна-то приходила?

— Молока кринку унесла, Колюшку покормить. Ушка, говорит, оставлена была, да кошка добылась. Ну, а больше и нет ничего. Картошка да хлеб, а накормить тоже охота рыболова-то своего.

— Как ведь! Всякому охота своего дитёнка в сыте да в тепле держать... Трудное у Яковлевны дело. Пятеро, все мал мала меньше, а сам вовсе старик. Того и гляди, рассчитают либо в караул переведут... На что только другой раз женился!

— Подымет Яковлевна-то. Опоясками да вожжами всё-таки зарабатывает.

— Работящая бабёночка... что говорить, работящая, а трудненько будет, как мужниной копейки не станет. Ой, трудненько! По себе знаю.

Мне давно пора было уходить. Под разговор мамы с бабушкой я думал убраться незаметно, но мама остановила вопросом:

— Егороньӿо, вы хоть где были-то?

Вопрос мне вовсе не понравился. Неужели Колюшка про Вершинки выболтал? Как отговориться?

— Рыбачили мы...

— В котором, спрашиваю, месте?

— На песках сперва... Тут Петьша подъязка поймал.

— Ну?

— А я окуня... большого-то...

Мама начала сердиться:

— Не про окуней тебя спрашиваю!

Но тут вмешалась бабушка:

— Да будет тебе, Семёновна. Смотри-ка, парнишка весь ужался, ноги его не держат... Выспится — тогда и расскажет. Ночь на дворе-то. Светать, гляди, скоро будет... Иди-ко, Егорушко, поспи.

Хорошая всё-таки бабушка у меня! Когда подходил к порогу, она потрепала по спине и ласково шепнула:

— В сенцах-то, над дверкой, кусок тебе положила. Ты его возьми с собой, а утром съешь. Тихонько бери, не перевёртывай.

— Со сметаной?

— Помазала, дитятко, помазала... Неуж одному-то внучонку пожалею... Что ты это! Что ты!

Я и без того знал, что бабушка не жалела. Очутившись в тёмных сенцах, первым делом полез рукой в левую штанину, чтобы остановить липкую сметанную струйку. Сметана будто ждала этого и сейчас же поползла ещё сильнее во все стороны. Пришлось вытащить кусок и заняться настоящей чисткой — смазывать на пальцы и облизывать.

Тихо сидя на приступке, я слышал, как мама говорила:

— Из сыромятной кожи им надо карманы-то шить. Видела, как оттопырились? Чего только не набьют!

— Ребячье дело. Всё им любопытно.

— А мнётся что-то. Не говорит, где был. У Яковлевны-то эдак же. Знаешь ведь, он какой: не захочет, так слова не добьёшься.

— Наш-то простой. Всё скажет.

— Попытаю вот я завтра.

— Да будет тебе! Парнишко ведь — под стекло не посадишь.

Просто замечательная бабушка! Всё как есть правильно у ней выходит.

Кусок с наддверья я снял и сложил с тем, что вытащил из-за пазухи. Теперь у меня четыре куска да оба кармана полны. Ловко! Куда только это? Изомнётся, поди, в карманах-то... С ребятами надо сговориться, как завтра отвечать. С Петьшей нам просто, а вот как Кольшу добыть?

Через широкую щель забора поглядел к ним во двор. В избе всё ещё огонь. Колькина мать сидит за кро́снами, ткёт тесьму для вожжей. Спит, видно, Колька. В сенцах ведь он. Разве слазить? В это время у них скрипнула ступенька крыльца. Идёт кто-то. Не он ли?

— Кольша, Кольша! — зашипел я в щель.

— Ну?

— Иди к нам спать! Петьша у нас же.

— Ну-к что, ладно. Мамонька до утра не увидит... — И Колька осторожно перелез через забор.

Петька был уж на нашем сеновале и встретил ворчаньем:

— Ты что долго? Разъелся без конца! Я уж давным-давно поел. Чуть не уснул, а его всё нет! Достал хоть что-нибудь? Для того-то?

— Мы да не достанем! Четыре куска у меня. В одном кармане баранина с картошкой, в другом — каравай. Вот! — хлопнул я по карману.

— Молодец, Егорша! А я подцепил вяленухи два куска да полкружки горохового киселя. Тут, в сене, зарыл! Ну, хлеба не мог. Это так точно. Только и есть, что те два куска: Таюткин да Афимшин. Хватит, поди? Кольше вот не добыть. Плохо у них.

Колюшка, которого Петька не заметил до сих пор, отозвался:

— Картошка-то есть, поди, у нас. Семь штук в сенцах спрятал.

— Кольша! — обрадовался Петька. — Тебя-то и надо. Ты про Вершинки не сказывал?

— Нет, не говорил.

— Вот и ладно. Мы с Егоршей тоже не сказывали.

Теперь как? Меня спрашивают, где были, а я и сказать не знаю. Про то, про другое говорю...

— У меня этак же. Мама спрашивает, сердиться стала, а я верчусь так да сяк, — отозвался я.

— Кольша, тебя мать-то спрашивала? Потом-то, как кормила?

— Спрашивала.

— Ты что?

— Ну-к, я сказал...

— Что сказал?

— Сказал... промолчал...

Это показалось смешно. Мы расхохотались. На соседнем сеновале завозился брат Петьки — Гриньша — и сонным голосом проговорил:

— Вы, галчата! Спать пора. Скажу вот...

Гриньша уснул, но мы уж дальше разговаривали шёпотом. Сложили все запасы в одно место и уговорились завтра идти не рано, будто за ягодами.

— Если будут спрашивать о сегодняшнем, всем говорить одно: удили у Перевозной горы, потом увидели — народ бежит, тоже побежали поглядеть, да на тракту и стояли. Ждали, что будет, а ничего не дождались. Так и не узнали. Говорят, кто-то убежал, его и ловили.

Неугомонный Петька хотел было ещё уговориться:

— А где мы зелёную кобылку ловили?

Но тут стал всхрапывать Колюшка. И у меня перед глазами стала появляться тихая вода, а на ней поплавок. Вот пошёл... пошёл... а!..

Петька всё ещё что-то говорит. Опять тихая вода, а на ней поплавок... Потянуло... Окунь! Какой большой! Тащить пора, а рука не подымается...

ЗАГАДОЧНЫЙ ТУЛУНКИН

Утром, когда пили чай, пришёл отец. Пришёл усталый, но весёлый и чем-то довольный. Сел рядом со мной, придвинул к себе:

— Ну как, рыболов, дела-то? Много наловил?

Я готов был сейчас же бежать на погребицу за рыбой, но отец остановил, а бабушка сказала:

— Сейчас ушку варить станем. Страсть хорошая рыбка! Окуньки больше.

— Ты лучше спроси, в котором он часу домой пришёл, — вмешалась мама.

— Опоздал, видно? Насыпала, поди, мать-то, а? Она, брат, смотри!

— Вот и пристрожи у нас! Бабушка — потаковщица, отец — хуже того.

— Вишь, вишь какая сердитая! — подмигнул мне отец. — Гляди у меня, слушайся! Я вон небось всегда слушаюсь. Как гудок с работы — я и домой, и уходить никуда неохота. Покрепче тебя, а сижу, а ты вот всё бродишь. Туда-сюда тебе надо. Сегодня куда собрались?

— По ягоды, тятенька. За Карандашиху думаем.

— И то дело. Скоро ягоды-то от нас убегут, а рыба останется. Успевать надо. Только домой засветло приходи. Ладно? Не серди мать-то!

— Да будет тебе! Скажи хоть, куда вас гоняли?

— Дорогу да лес караулили.

— Что их караулить-то?

— Станового спроси, ему виднее. Так и сказал: «Этих поставить караулить лес и дорогу». Ну, мы и караулили.

— И что?

— Да всё по-хорошему. Дорога на месте, и сосны не убежали...

— Без шуток расскажи, Василий, — попросила мама.

А бабушка заворчала:

— Что, в самом деле, балагуришь, а про дело не сказываешь!

— Нельзя, мать, про это дело без шуток рассказать. Коли дурак делает, так всегда смешно выйдет. Придумали тоже — народ выгнать политику ловить! Как же! Пусть сами ловят!

— Какую политику?

— Да, видишь, на Скварце — на золотом-то руднике под Вершинками — появился человек один. Из пришлых какой-то. Под землёй работал, как обыкновенно. Вот этот пришлый и стал с тем, с другим разговаривать про тамошние дела. Стал около него народ грудиться. Стража-то горная побаивается под землю лазить, им и вольготно там. Соберутся да и судят. Про штрафы там, про обыски... ну, про всё рабочее положение и как лучше сделать. Кто-то всё-таки унюхал про это. Из начальства. Вчера, сказывают, как из шахты народ подыматься стал, его и хотели взять, а у него револьвер оказался. Стражники-то — они на голоруких храбрые, а этой штучки боятся — выпустили. Он в лес. Стражники давай стрелять в него, он опять в них. Перепалка вышла. Говорят, будто ему ногу подшибло пулей.

— Поймали его?

— Зачем поймали? Ушёл...

— С подстреленной ногой?

— Может, это ещё враньё — про ногу-то... Говорю, ушёл, да и как не уйти, коли стражники сами боятся в лес заходить! А нам зачем этакого человека ловить?..

— Вы по лесу и ходили?

— Вроде облавы сделано было. Он, видишь, в том лесу был, между зимником да трактом, под самыми Вершинками. В пруд этот лесок выходит. Вот его и оцепили и по тракту до плотины народ поставили. В случае если пруд переплывёт, так тут его и схватят. Мы с Илюхой против Перевозной горы пришлись. Только и видели, что стражники по дороге ездят да покрикивают: «Эй, не спишь?» А сами-то и проспали. Он знаешь что сделал?

— Ну?

— Переплыл, видно, пруд да к перевозу и пробрался. Там взял лодку — потихоньку — да прудом прямо к господскому дому. Ищи теперь! На Яшу Лесину приходят, почему лодку не уберёг, а он говорит: «Тут три стражника сидело, я и не караулил. Они спать завалились, а я сиди! Как бы не так!» Лодку-то оглядывают теперь, не осталось ли следов каких... Подходили мы с Ильёй. Серёжку какую-то там нашли да панок-свинчатку [1]. У нашего Егораньки такой же есть. Зелёным крашен.

— Ты, Егорушко, этот панок выбрось и не сказывай, что у тебя такой был, — посоветовала бабушка.

Отец расхохотался:

— Что ты, мать! Не будут же ребячьи бабки перебирать. Мало ли крашеных панков.

Отцовский смех меня успокоил. Надо всё-таки ребятам сказать, чтобы про мой зелёнчик не поминали. Будто я ещё с весны его проиграл. Эх, какой паночек-то был! И как это он выскользнул?

Успокоенный, я стал собираться.

---

[1] Панок — бабка, кость ноги коровы; панок-свинчатка — бабка со свинцом внутри; употребляется во время игры в бабки для удара по кону — ряду бабок.

Бабушка, как всегда, отрезала мне хлеба, а мама напомнила:

— Смотри, не по-вчерашнему! Глубоко-то от дороги не ходите. Там и ягод нет. К пруду ближе держитесь.

Колюшка уже поджидал на завалинке, но Петьки ещё долго не было. Мы понимали, почему он долго не выходит. Ему надо незаметно пронести корзинку с запасами для раненого. Петька же взялся разыскать посудину, которую мы могли спокойно оставить. Ждали терпеливо. Петька вылетел наконец и сразу набросился на нас:

— Вы что тут расселись, ровно воробьи на жердинке! Про Сеньку-то узнали? Может, он с голубятни караулит, а они сидят! Драться-то, поди, нам сегодня не с руки! Беги, Егорша, хоть к Потаповым ребятам. Посмотри из огорода, не видно ли Сеньки либо ещё каких первоглинских.

— Ну-к, что бегать-то, так пройдём.

— Говорю — не с руки нам сегодня драться.

В это время из переулка показалась лошадь, запряжённая в телегу. На телеге — старик и три женщины, за телегой — привязанная хромая лошадь. Это был удобный случай. Мы сейчас же забежали с левой стороны и пошли рядом с телегой, один за другим.

Немолодая женщина спросила:

— За какими, ребята, ягодами-то?

— Какие попадут.

— За брусникой-то рано ведь.

— Черника ещё попадает. А вы куда?

Этот разговор был нам тоже на руку — будто мы знакомые. Нам надо было со взрослыми пересечь улицу Первую Глинку.

В Горянке тогда был дикий обычай: ребятишки одной улицы были в постоянной вражде с ребятами двух соседних улиц. Почём зря тузили один другого за то, что живут на улицах рядом.

В той стороне, куда мы шли, врагами нашими были ребята Первой Глинки. Во Второй Глинке уже были наши друзья, которые тоже воевали с Первой Глинкой.

В Первой Глинке, у самого переулка, справа, жил наш заклятый враг — Сенька Пакуль. Это был рослый, красивый, ловкий и очень сильный мальчик наших же лет. Но в школе он не учился. Совсем ещё маленьким он упал и прикусил кончик языка. Речь у него стала невнятной, над ним смеялись. Из-за этого Сенька не учился в школе, а ходил учиться к какой-то старинной мастерице [1]. Наших ребят он особенно не любил. Готов был целыми днями сторожить, чтобы поймать и поколотить кого-нибудь из наших, если узнавал, что прошли в их сторону.

Не дальше трёх дней тому назад нашей тройке удалось поймать Сеньку Пакуля с его другом Гришкой Чирухой, и мы их жестоко побили. Нелегко, конечно, это досталось. У Кольши появился пяташный синяк, у меня удвоилась губа, но больше всех пострадал Петька — у него были разорваны новые штаны. Как бы то ни было, мы всё-таки победили, и Петька похвалялся:

— Будет помнить Сенька-то, как наших бить! Задавалко худоязыкое! Ещё кричит — выходи по два на одну руку! Вот те и по два! Получил небось. А этой поганой Чирухе я ещё покажу, как новые штаны рвать!

Мы теперь и боялись, как бы Сенька с товарищами не отплатил. Обошлось, однако, по-хорошему. Только один парнишка увидел нас и заорал:

— Эй, лебята, Сестипятка идёт! Сестипятка! С Каменуски, Сестипятка!

Парнишка был нам не ровня. С такими не дерутся. Мы только сделали ему знак пальцем — утри сопли, да Петька крикнул:

---

[1] Ходил учиться к старинной мастерице — учился на дому у грамотной женщины.

— Эх ты, сосунок! Говорить не научился!

Никого из ребят нашей ровни не было видно. Мы, конечно, больше поглядывали в сторону голубятни Сеньки Пакуля и пятистенника, где жил Гришка Чируха. Но тоже никого. Только уж когда подошли ко Второй Глинке, из-за угла выглянула лисья морда Гришки. Петька погрозил ему кулаком:

— Я тебя научу штаны рвать!

Дальше шли вовсе спокойно.

— Ну-ка, ребята, пошли поскорее. Сами-то небось наелись, а он голодом.

— Верно, пошевеливаться надо.

Мы зашагали быстрее. Покосную дорогу через речку Карандашиху мы знали хорошо, первую просеку — тоже. Но чем ближе подвигались, тем больше тревожились.

Хотели поскорее увидеть, что раненый тут, никто его не захватил, и мы всё больше и больше поторапливались. Около просеки уже бежали бегом. Свернули налево и сейчас же запели про железную дорогу. Спели раз, другой — никого. Мы продолжали петь. Опять никого.

— Вон пруд, ребята, видно, а его нет. Говорил — за Карандашеву гору проползёт. Как же так? Она, видишь, кончилась. Искать надо. Может, тебе, Егорша, свистнуть?

— Дойдём сперва до пруда, — предложил Колюшка.

— Что там делать-то? Говорил — в мелком лесу, а там видишь какой! Голова!

— Вот тебе и голова! Помните, сказал — до конца идите?

Опять запели про сороконожку и пошли к пруду. Вблизи берега, где лес совсем редкий, наш раненый отозвался. Где он? Близко вовсе, а не видно. За деревом, что ли? Но вот зашевелилась куча хвороста. Вон он где!

— Не мог, ребятки, выше-то уползти. Что-то плохо

мне, — сказал незнакомец, когда мы подбежали к нему. — Воды принесите кто-нибудь.

Петька вытряхнул перед раненым смесь горохового киселя с бараниной и творожником, выложил ломти хлеба и побежал с бураком к пруду.

— И поесть принесли. Вот спасибо, ребятки! Да как много!

И он сейчас же схватил ломоть и жадно стал есть. Мы не менее жадно разглядывали своего вчерашнего знакомца. Он был ещё не старый, с короткими чёрными волосами и широкими бровями. Кожа лица и рук покрыта мелкими чёрными точками, как у слесарей. Подбородок сильно выдался, а глаза, казалось, спрятались под широким квадратным лбом. Ласковые слова мало подходили к строгому лицу.

— Что глядите-то! — усмехнулся раненый. — Не видали, как голодные едят? Что говорят в заводе про вчерашнее?

Тут я принялся выкладывать, что слышал от отца. Раненый заметно заинтересовался:

— Где, говоришь, отец-то у тебя работает?

Я сказал, что у нас с Петьшей отцы работают в пудлинговом цехе, а у Колюшки — тот всю жизнь на домне.

— Лошадей ни у кого нет?

— Лошадей нет.

— Вот что, ребята... Вы бы мне слесаря Тулункина нашли. В вашем краю живёт. На Первой Глинке.

— Приезжий какой?

— Нет, ваш, горянский. Мы с ним вместе в городе работали.

На Первой Глинке, как и на своей Каменушке, мы знали подряд все дома, но Тулункиных там не было. Перебрали по памяти всех — нет Тулункиных!

Раненый, однако, стоял на своём: есть.

— Писал ему раз. Дошло письмо, и ответ получил.

— На Первой Глинке?

— На Первой Глинке. Тулункин Иван Матвеевич.

— Нет, такого не бывало.

Раненый всё-таки не верил нам.

— Вы вот что, ребятки! Ступайте домой и там узнайте про Тулункина. Сходите потом — только не все, а один кто-нибудь — к этому Тулункину и скажите ему: Софроныч, мол, тебя ждёт с лошадью, а где ждёт — я укажу.

— Дяденька, да нам на Первую Глинку и ходить нельзя.

— Дерёмся мы с тамошними ребятами.

— Ну, помиритесь на этот случай.

— Легко сказать — помиритесь! Это с Сенькой-то Пакулем да с Гришкой Чирухой! Попробуй!

Мы быстро собрались домой, ягоды не стали брать. Решили сказать дома, что их вовсе нет в этом месте: брусника ещё белая, а других не осталось. На обратном пути не один раз перебрали всех жителей Первой Глинки. Может, пишется кто так? У нас ведь в Горянке чуть не у всех двойные фамилии. Петька вон зовётся Маков, а пишется Насонов. Колюшка по-

уличному Туесков, а пишется Турыгин. У меня тоже две фамилии.

— Надо, ребята, всё-таки узнать про Тулункина.

— Ты сперва про другое думай! — сурово сказал Петька. — Как пройти мимо Глинки? Сенька-то, поди, караулит. Думаешь, Чируха ему не сказал?

— Может, Сеньки и дома нет.

— Всё-таки, ребята, пойдём берегом.

— Там скорее нарвёшься.

— Мы со Второй Глинки поглядим. Если не купаются — ходу прямо по воде. Ладно? А Сенька пусть сидит, как сыч, в переулке караулит.

Сенька оказался хитрее.

Только мы поравнялись с Первой Глинкой, как на нас налетело четверо, а сзади, с огородов, ещё перелезло трое. Нас окружили. Враги заранее радовались:

— Попалась, Шестипятка!

Но Петька не забыл про разодранные штаны и зверем кинулся на Гришку Чируху. Гришка был слабый мальчик, и Петька с одного удара сбил его с ног.

Колюшка пошёл на Сеньку Пакуля, но тот увернулся, ловко подставил ножку, и наш Медведко сунулся носом в землю на самый берег. Меня тузили двое школьных товарищей и уже кричали:

— Корись, Егорко!

Я, конечно, не мог допустить такого позора и отбивался как мог, хотя уже из носу бежала кровь и рука была чем-то расцарапана.

По счастью, Петька изо всей силы залепил камнем в ведро подходившей к пруду женщине. Ведро зазвенело, загромыхало и свалилось на землю. Женщина освирепела и бросилась с коромыслом в самую гущу свалки. Мы воспользовались этим и бросились наутёк к переулку.

Как раз в это время возвращался лесник верхом на лошади. Ехал он шагом. Это для нас было выгодно. Мы из-за него могли отбиваться камнями,

а нашим врагам этого сделать было нельзя. Так и ушли.

Петька мог всё-таки утешиться.

— Видели, ребята, как я Чирухе засветил? Два раза перевернулся! Будет помнить, как штаны драть!

Хоть Гришка и не перевёртывался двух раз, но нам самим похвалиться было нечем, спорить не стали. Колюшка только вздохнул:

— Кабы нога не подвернулась, я бы ему показал...

— Ежли да кабы стали на дыбы, хвостиком вильнули, Кольше подмигнули...

— У самого-то щёку надуло!

— Это мне Сенька вкатил. Хорошо бьётся, собака! Это так точно. В нашей бы улице жил, мы бы показали первоглинским! А Чируха — язва. Только и толку, чтобы одежду драть. Ему ловко, богатому-то!

— Вот и мирись с ними!

— А надо, — проговорил Колька, растирая медной пуговкой большую шишку на лбу.

— Наставят тебе с другого-то боку!

— Ну-к что, наставят, а мириться надо.

— Да как ты станешь с ними мириться? Покориться, что ли, Первой Глинке?

— Чтобы наши каменушенцы первоглинским покорились! Никогда тому не бывать! Это уж так точно. Гляди, вон Сенька-то задаётся!

Над угловым домом Первой Глинки, где жил Сенька, взлетела пятёрка голубей. Нам с завалинки был виден и конец Сенькиного махала.

— Видишь, голубей выпустил. Хвастается — задавалко худоязыкое! Постой-ко... — Петька поглядел на нас, как на незнакомых, потом махнул головой: — Пошли, Егорша!

Он швырнул корзинку тут же на улице и бросился в калитку своего дома. Я не понимал, что он задумал, но тоже побежал за Петькой. Ухватив в сенцах коротенький ломок, Петька полез на сеновал.

Неужели он Гриньшиных голубей спустит? Это было страшно, но я всё же полез за Петькой. У нас ни у кого из тройки своих голубей не было, но у Петюнькиного брата Гриньши была пара ручных, подманных. Эту пару хорошо знали по всему околодку. Нам доступа к ней не было. Клетка всегда была на замке, а ключ Гриньша носил с собой.

Петька подсунул ломок, нажал и выворотил пробой.

— Свисти на выгон! — приказал он мне, открывая дверцу клетки.

Я засвистал, и пара, хорошо знавшая своё дело, сразу пошла на подманку, врезавшись сбоку в стайку Сенькиных голубей. На свист выбежала из избы Петькина мать и закричала:

— Что вы, мошенники, делаете? Гриньша-то узнает — задаст вам!

— Он, мамонька, сам велел Сенькиных подманить.

— А как его-то упустите?

— Не упустим! Подсвистывай, Егорша.

С крыши нам видно было, как метались на своей голубятне Сенька и трое его друзей. Залез на голубятню какой-то вовсе большой парень. Все они свистали, подманивали голубей, но напрасно старались: вся стайка слушалась теперь только моего свиста.

Я ещё раза три сгонял её вверх, потом стал свистать на спуск. Петька уже кричал вниз Кольке:

— Тащи решето да сбивай ребят, какие есть! Сенька сейчас драться полезет.

Через несколько минут всё было кончено. Гринькина пара сидела в своей клетке, а Сенькина пятёрка трепыхалась в закрытом решете. Только Сенька не лез драться. Он, как потом мы узнали, ревел, как маленький.

— Теперь, ребята, с Сенькой помириться не стыдно, — объявил Петька.

Подождав немного, мы вышли в переулок. Со

стороны Первой Глинки там уже были все те ребята, которые недавно нас тузили. Вышел и заплаканный Сенька. Петька звонко крикнул:

— Сеньша, хошь отдам?

— За сколь?

— Так отдам. Без выкупу.

— Обманываешь!

— Нет, по уговору отдам.

— О чём уговор?

— Мириться.

— На сколь дней?

— Навсегда.

— С тобой?

— Нет, со всей нашей заединщиной. Со мной, с Кольшей, с Егоршей.

— А мне как?

— Ты сговорись вон с Митьшей Потаповым, с Лейшей Шубой.

Петька указывал на самых крепких мальчуганов, наших одногодков. Они меня и колотили.

— Не будут если?

— Других подбирай. Только Гришку не надо. Он штаны новые дерёт.

Сенька недолго говорил со своими и крикнул:

— Давай!

— Навсегда?

— Навсегда! — крикнули на этот раз Митька и Лейко.

Мы сбегали за решетом и передали его Сеньке. Тот сейчас же убежал на голубятню, высадил голубей, притащил решето. Начался уговор. Обрадованный Сенька был готов сойтись на пустяках, но все остальные хотели мириться «как следует».

Мирились тогда у нас на «вскружки» — драли один другого за волосы. Вскружки были простые, сдвоенные, с рывком, с тычком, с поворотом, зависочники, затыльные до поясу, до земли.

Сенька сперва сказал — пять простых. Смешно

даже! Пять-то простых — это когда из-за пустяковой рассорки дело выходило, а тут вовсе другое: улицы мирились, да ещё навсегда!

Выбрали для такого случая три самых крепких зависочника да пять затыльниц до земли, чтоб лбом в землю стукнуть.

Встали парами один против другого и начали выполнять уговор. Сначала они раз, потом мы, опять они, опять мы. Сенька из-за голубей и тут хотел поблажку Петьке сделать, да Петька закричал:

— Невзачёт! Сенька мажет!

Дальше уже пошло по совести. Драли друг друга за волосы так, что у всех стояли слёзы на глазах. Нельзя же! Мирились не на день, а навсегда, да ещё с разных улиц. Дешёвкой тут не отделаешься! Составились ещё две пары, но Гришку Чируху никто не вызвал.

Когда мир был заключён, решили искупаться на каменушенском берегу. У нас было удобнее, да и Петьке давно хотелось померяться с Сенькой на воде. Только куда Петьке! Сенька и заплывал и нырял много дальше. Потом Сенька боролся с Кольшей и тоже легко его бросил. Зато на палке Кольша всё-таки перетянул. Попыхтел, конечно, а перетянул. Все три раза. Хотели ещё проверять — заставляли снова бороться, да Кольша сказал:

— Ну-к, он ловчее, а я сильнее.

На этом и согласились. Медведушко наш, и верно, ловкости большой не имел.

Мы — остальные — тоже боролись и на палке тянулись, но это уж так, для порядку. Зато наши новые друзья заказывали мне:

— Егорша, свистни по-атамански.

Я бы с радостью потешил друзей, но после первого же посвиста из окон ближайших домов высунулись взрослые и на всякие голоса закричали:

— Егорко, уши оборву!

— Свистни ещё — я тебе покажу!

— Егорко! Ты опять? Сколько раз тебе говорить, а?

Петька, всегда гордившийся моим свистом больше меня, похвастался:

— По всему заводу против нашего Егорши свистаря не найти! Мешают вот только парню! — кивнул он головой в сторону ругавшихся взрослых и сейчас же громко спросил первоглинских: — Ребята, у вас Тулункины есть?

Сенька с удивлением поглядел на него:

— Ты что, шутишь? Мы — Тулункины пишемся.

— Да ведь вы Кожины!

— Кожины, а пишемся Тулункины.

— Отца у тебя как зовут?

— Иван Матвеич.

— Сеньша, друг! Его-то нам и надо!

— На что?

Этот вопрос смутил Петьку. Он метнул глазами в мою сторону и сказал:

— Егорше вон надо-то... Поклон, что ли, передать.

— Ну, что... Приходи, Егорша, в шесть часов. С работы он придёт.

Загадка была отгадана. Тулункина нашли — и вовсе близко.

ВЫСЛЕДИЛИ ДО КОНЦА

До шести ещё было далеко, и мы занялись игрой в городки, только перешли на Первую Глинку. У них было гораздо лучше играть, чем на нашем, каменушенском, косогоре.

В шесть часов я сходил к Ивану Матвеичу. Он только что пришёл с работы и умывался у крыльца. Я тут ему и сказал:

— Дяденька, тебя Софроныч с лошадью ждёт, а где — я укажу.

Иван Матвеич выпрямился во весь свой высокий рост и так, с мокрым лицом, спросил:

— Какой Софроныч?

— С которым ты в городе работал. Ещё письмо он тебе писал...

— Постой... Ты откуда его знаешь?

— Не велено сказывать.

— Да ты чей?

Я сказался. Иван Матвеич торопливо утёр лицо и руки, потом сказал:

— Пойдём к отцу. Знаю я его.

Пришли. Иван Матвеич сразу же сказал:

— Мне бы, Василий Данилыч, с тобой надо поговорить.

— Говори тут — некому у нас вынести.

— Нет, всё-таки надо бы по тайности.

— Тогда пойдём в огород.

— И парнишку твоего надо.

— Неуж что худое наделал?

— Нет ровно.

В огороде у нас росло два черёмуховых куста, под ними стояла скамейка. Место это называлось садом. Тут и уселись.

Иван Матвеич, понизив голос, проговорил:

— Сынишка твой сейчас мне поклончик передал от человека, которого ему ровно знать неоткуда. Стал спрашивать, где видел, а он говорит — не велено. Вот и повёл к тебе. Пусть расскажет.

Тут уж пришлось сказать всё. Отец пожалел:

— Ох, ребята, ребята, давно бы сказать надо! Хоть мне, хоть Гриньше, хоть Илье. Беги-ка за своими заединщиками да Илью тоже позови. Скажи, дело есть.

Через несколько минут на скамейке прибавился Илья Гордеич, Петькин отец, а мы все трое уселись на земле. Мой отец сам рассказал, как было дело, потом сказал нам:

— Вы, ребята, теперь про это забудьте. Будто и не было. Слышали?

— Без вас того человека уберём, — добавил Илья Гордеич.

— Без нас не найти, — ответил Петька. — Он на нашу песенку отзывается, а вы не умеете.

— Найдём и так. А вы забудьте! Никому чтобы! Панок-то, Егорша, не твой?

— Мой...

— Смотри! Всем говори — давно потерял.

— Я так и думал...

— Ну, а теперь бегите играть.

Когда нас так отстранили, Петька первым делом налетел на меня:

— Распустил язык! Всё им сказал. Кто тебя просил?

— Сам бы и шёл!

— «Сам бы, сам бы»! А ты что?

— А то... Не поверил Иван Матвеич. Пойдём, говорит, к отцу.

— Ну?

— Ну я и рассказал.

— Всё, как было? И про место, где он лежит?

— И про место...

— Вот и вышел «малый мой, малый мой, понесу тебя домой»! Теперь, думаешь, они что скажут?

— Так ведь спрячут его.

— Спрячут-то спрячут, да тебе не скажут. Слыхал у них разговоры: отвяжись! не твоё дело!

— Узнаем, поди, потом, — отозвался Колюшка.

— Когда узнаем? Как большие вырастем?

В это время отворилась калитка. Вышел Иван Матвеич и не спеша зашагал к своей улице. Вскоре вышли и наши отцы.

Отец Петьки зашёл к себе во двор, а мой прошёл мимо и повернул в переулок налево.

— Видал? Сговорились уж, а про нас и помину нет! Это так точно.

— Ну-к что...

— Вот те и «ну-к»! Узнать-то охота или нет? Беги, Егорша, за отцом. Если он брать не станет — скажи, в Доменную, мол, надо, а мимо Кабацкой боюсь один. Я к Сеньше сбегаю. Пусть он за своим отцом глядит. А ты, Кольша, тут сиди. Никуда, смотри, не уходи. Если мой тятя куда пойдёт, беги за ним.

Своего отца я догнал, когда он поравнялся с соседней Кабацкой улицей. Отец усмехнулся:

— Тебе куда?

— Я, тятенька, в Доменную... К Силку Быденку...

— Зачем это?

На этот вопрос я не знал, что сказать. Никак не придумывалось.

— Так... Говорят, у него крючки есть...

— Самоловы, поди?

Я обрадовался и принялся врать о крючках, но отец не дослушал:

— Ступай домой.

В голосе не было строгости, и я уже по-простому запросился:

— Я с тобой пойду!

— Нет, Егоранько, нельзя. Потом тебе скажу...

— Когда скажешь?

— Ну, когда надо, тогда и скажу. Ступай! Некогда мне. — И отец нахмурился.

Приходилось идти домой без удачи.

Петьки ещё не было. Кольша спокойно сидел на завалинке у Маковых. Я сказал, что отец меня воротил, и в утешенье себе добавил:

— Обещался потом сказать.

— Ну-к, я говорил — скажут. Зря Петьша трепещется.

С этим я не мог согласиться. Когда ещё скажут! Надо теперь узнать.

От Маковых вышел Илья Гордеич. Одет он по-праздничному, но как-то чудно́: ворот синей рубашки расстёгнут и торчит заячьим ухом, суконная тужурка

надета в один рукав, левый карман плисовых шаровар вывернут, фуражка сидит криво и надвинута на глаза. Что это с ним? На ногах нетвёрдо держится. Когда напился? Сейчас трезвёхонек был.

— Что, угланята [1], уставились? Пьяных не видали? — спросил Илья Гордеич и, пошатываясь, пошёл вверх по улице.

Мы переглянулись и стали смотреть, что будет дальше. Пройдя домов пять, Илья Гордеич совсем по-пьяному затянул:

Ой-да, ой-да за горой,
За круто-о-о-ой...

Запыхавшись, прибежал Петька и стал рассказывать:

— Сеньшин отец с удочками пошёл! В ту сторону... Понятно? Не поймаю ли, говорит, вечером ёршиков, а у самого и червей нет и удочки у Сеньши взял. Рыболов, так точно... У вас что?

Мы рассказали. Петьку больше всего удивило, что отец у него напился.

— Вина-то в доме ни капельки. Знаю, поди. Выдумываете?

— Ну-к, гляди сам. Вон он у Жиганова дома куражится.

— Верно... Пошли, ребята!

Около камней у дома подрядчика Жигана стоял Илья Гордеич и громко спрашивал двух работников Жигана:

— Мне почему не гулять? Сенцо-то у меня видали? Что ему сделается, коли оно у меня под крышей... а? Слыхали про Грудки-то? Нет? Все зароды [2] в дыму. Не слыхали?

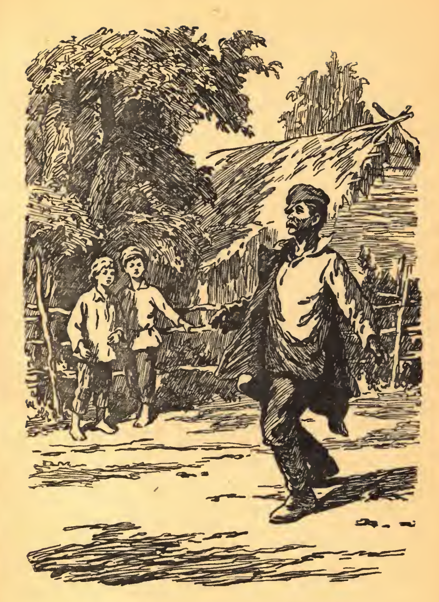
Со двора торопливо выбежал Жиган и, отирая руки холщовым фартуком, спросил:

— О чём ты, Гордеич?

— Тебя не касаюсь... С ними разговор.

---

[1] **Угланята** (углан) — баловники, шалуны.
[2] **Зарод** — стог, скирд сена.

Ребята стали смотреть, что будет дальше.

Илья Гордеич, сильно шатаясь из стороны в сторону, пошёл дальше и опять запел:

Ой-да, ой-да за горо-о-ой...

Жиган поджал губы:

— Напьются, главное дело, а тоже! Что он сказывал?

— Ну, выпивши человек... мало ли сболтнёт... На Грудках будто сено горит.

— На Грудках?

— Все, говорит, зароды в дыму.

— На Грудках?

— Так сказывал. Пьяный ведь — что его слушать...

— Тебе, главное дело, горюшка мало, что у хозяина на Грудках три зарода. Работнички!

Увидев нас, Жиган спросил Петьку:

— Был у вас кто нонче?

— Не видал.

— Говорил отец с кем-нибудь?

— Стоял давеча в заулке. Разговаривал с какими-то.

— С кем?

— Нездешние. По-деревенскому одеты. С вилами, с граблями... На паре. Пятеро их.

— Откуда ехали?

— С той стороны, — указал Петька.

— О чём говорили-то?

— Не слушал я.

— Ну и соседи у меня! Им бы, главное дело, худое человеку сделать! Про беду сказать — язык заболит! По пьяному делу разболтался, и то за счастье почитай. Чем, главное дело, я поперёк горла людям стал? — И Жиган, потряхивая козлиной бородкой, побежал во двор.

Илья Гордеич между тем перешёл на другую сторону улицы и остановился перед окнами чеботаря[1] Гребешкова. Петька удивился:

[1] Чеботáрь — сапожник.

— На что ему Гребешков сдался? Сам Гриньше говорил: «Берегись Дятла, наушник он, для виду только чеботарит».

Илья Гордеич сел на завалинку и стал скручивать цигарку. Возился он с этим долго. Бумага не слушалась, табак сыпался на землю. Вышел Гребешков — маленький вертлявый человечек с большим носом, взял у Ильи Гордеича кисет и бумагу и свернул две цигарки. Не было слышно, о чём они говорили, но вот Илья Гордеич стал стаскивать с левой ноги сапог. Делал он это очень долго. То наклонялся чуть не до самой земли, то откидывался назад. Когда сапог был снят, Гребешков ушёл с ним в дом, а Илья Гордеич остался на завалинке. Со двора Жигана вылетела запряжённая в телегу пара «праздничных», соловых[1] с белыми гривами и хвостами. На телеге сидели Жиган, двое работников и работница. Телега загремела вниз по улице и свернула в переулок налево. Вышел Дятел с сапогом. Илья Гордеич опять долго возился, надевая сапог, потом притопнул ногой, поднялся и указал рукой на кабак. Дятел что-то говорил, как будто отказывался, но кончил тем, что снял с головы ремешок, которым были стянуты волосы, забросил в раскрытое окошечко, и оба они зашагали к кабаку.

— С Дятлом пошёл! Нашёл дружка! — осудил Петька своего отца.

Нам тоже было удивительно, что Илья Гордеич вдруг связался с пьянчугой Дятлом. Чтобы ждать было не скучно, мы стали играть шариком с верховскими ребятами.

Становилось темно, когда Илья Гордеич вышел из кабака. Дятла с ним не было. Илья Гордеич, пошатываясь, пошёл домой. Песни на этот раз он не пел. Нам пришлось доигрывать, и мы потеряли из виду Илью Гордеича. Как только кончили игру, побежали домой. Остановились у Колюшкиного дома.

— Егорша, давай не будем спать эту ночь. Лад-

[1] Соловые — лошади желтовато-белой масти.

но? Ты за своим отцом гляди, я — за своим. Это будет так точно. Ты, Кольша, тоже не спи!

— А мне за кем глядеть?

— А ты... за нами, чтоб не уснул кто. К Егорше на сеновал приходи.

— Ну-к что... Ладно.

Отца своего я застал дома. Он сидел у огня и подшивал сапог. Мама готовила ужин, а бабушка вязала. Мама с бабушкой разговаривали, отец молчал.

После ужина я не пошёл сразу на сеновал, а притаился во дворе — не услышу ли тут какой-нибудь разговор взрослых. Так и вышло.

Вскоре из дому вышел отец и, попыхивая трубкой, сел на крылечко. Как только на колокольне пробило двенадцать, отец подошёл к соседнему забору и тихонько кашлянул. Ему ответили тем же.

— Ну что?

— Разыграл. Жиган угнал на Грудки, Дятел без задних ног. Чуть не две бутылки в него вылил да ещё сорок копеек дал. У тебя что?

— Дедушко сам взялся проводить. Говорит, от Карандашихи через Жиганову заимку, потом болотами на Горнушинский прииск, а он чуть не к самой Чесноковской больнице подходит. Двадцати будто вёрст не выйдет.

— В Чесноковском, сказывают, доктор молодой, а дельный.

— В котором часу Филат Иваныч заедет?

— Велел, как час бить станут, наготове быть.

— Слушай-ка, Василий, не побоится доктор на леченье принять? Дано, поди, знать в Чесноковский.

— Да ведь он по чужому виду [1] на руднике был прописан. Настояще-то его зовут Михайло Софроныч Костарёв. Из Чесноковского он родом-то, только смолоду в городе работает.

Теперь я знал всё. С трудом удерживался, чтобы

[1] По чужому виду — по чужому паспорту.

не броситься на сеновал. Еле дождался, пока отец выбивал табачную золу и бродил по двору. На сеновале я хотел было выпалить всё Петьке, но он, оказывается, тоже слышал весь разговор.

На другой день мы узнали, что Сеньшин отец с утра был на работе, а наших не было до вечера.

Отцу я не напоминал обещания, но осенью, когда мы уже ходили в школу, он сам сказал:

— Вылечили, Егоранько, того...

— Михайла Софроныча? — не удержался я.

— Ты откуда знаешь, как его зовут?

— Сам тогда сказывал...

— Вам?

— Нам.

— Ой, парень, смотри! Не верю я что-то.

Вечером в бане у Маковых, где Илья Гордеич поправлял зимние рамы, собрались наши отцы и стали «допрашиваться», что мы знаем. Сначала мы отмалчивались, потом это надоело. Петька махнул рукой и выпалил:

— Всё знаем. Слышали ваш разговор.

— Чистая беда с вами, ребята! Не сболтните хоть!

— Мы-то? Это уж будьте в надежде! Умерло!

— Умерло! А Гриньше сказывали?

— Гриньше, конечно... Не маленький, поди, он.

— А Сеньше?

— Ну-к, Сеньша заединщик... Навсегда!

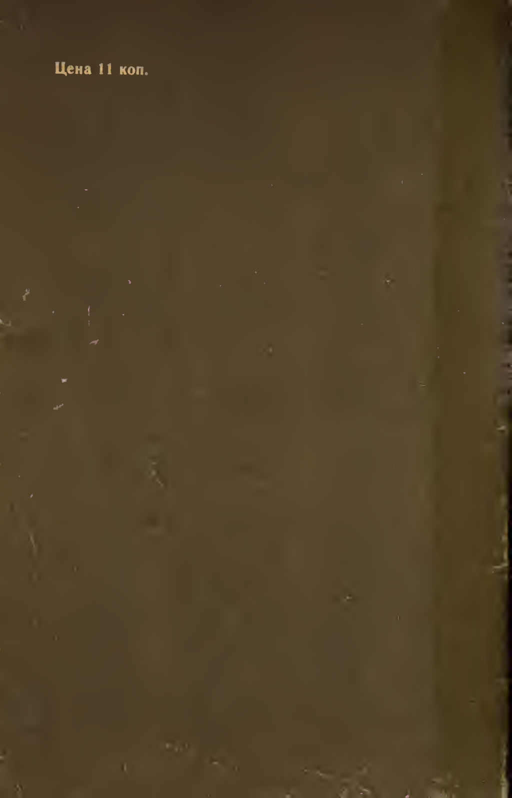
ОГЛАВЛЕНИЕ

Для младшего школьного возраста

Бажов Павел Петрович
ЗЕЛЕНАЯ КОБЫЛКА
Повесть

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская.* Художественный редактор *Г. С. Вебер.* Технический редактор *Т. М. Токарева.* Корректор *З. С. Ульянова.*
Сдано в набор 25/XI 1961 г. Подписано к печати 9/II 1962 г. Формат $60\times90^{1}/_{16}$ — 4 печ. л. (3,01 уч.-изд. л.). Тираж 280 000 экз. ТП 1962 № 240. Цена 11 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 1879.

Цена 11 коп.